

ЧТО ТАКОЕ ВРЕД? (МОТИВАЦИОННО-ГЕНЕТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РУС. ВРЕД)

Рассматривается проблемная мотивационно-генетическая характеристика ядра лексико-семантического поля «Вред», представляющего отрицательную утилитарную оценку. Анализ системных отношений рассматриваемого лексико-семантического поля в литературном русском языке и его диалектах, древнерусском языке и в других славянских языках показал, что, во-первых, мотивационно-генетические связи рус. вред / вред своими корнями уходят на уровень праславянского языка, когда формировалось соответствующее понятие; во-вторых, славянское представление о вреде формировалось на основе понятия «рана; телесное повреждение», понятия, возникающего как результат осмысления последствий для субъекта деструктивного действия (напр., ‘разрывать, царапать’) или болезни, имеющих внешнее проявление преимущественно на коже (‘нарыв, чирей, язва’); в-третьих, мотивировочные признаки лексем-синонимов (рана, нарыв, язва) подерживают идею о вреде как телесном повреждении в результате деструктивных действий по отношению к субъекту.

Ключевые слова: славянские языки; лексикология; история; мотивационно-генетические связи.

Актуальность изучения мотивационно-генетических характеристик лексических единиц обусловлена тем, что мотивационные связи, существующие в языке, характеризуют структуру ментального мира этноса, то, как человек определенной культуры и времени языковыми средствами категоризирует мир. Выявление мотивационных связей, их иерархии в исторической ретроспективе, выявление мотивационного признака, положенного в основу номинации и позволяющего увидеть, какие два объекта сближены в акте номинации, – все это приближает нас к выяснению причин выбора той или иной лексической единицы как деривационной базы номинации, и это находится уже вне компетенции языка, в сфере ментальных представлений, следовательно, имеет непосредственное отношение к тому, что называется картиной мира.

В статье рассматривается проблемная мотивационно-генетическая характеристика ядра лексико-семантического поля «Вред», представляющего отрицательную утилитарную оценку. Ядерная часть этого лексико-семантического поля включает в себя существительное *вред* ‘порча, ущерб’ (в физическом и морально-оценочном смысле) и его ближайшие производные, представляющие вред как признак предмета и как действие, процесс, прилагательное *вредный* ‘причиняющий (способный) причинить вред’, прост. ‘недоброжелательный, злой (о человеке, его характере)’ и глагол *вредить* (*повредить*) ‘причинять вред, наносить ущерб’ [1. С. 226]. Производящее *вред* имеет широкое значение и не указывает на конкретный мотивировочный признак. Правда, в русском языке есть и малораспространенный (устар., прост.) полногласный вариант этого слова – *веред* ‘гнойный нарыв, чирей’ ([Иван Петрович] *хныкал и жаловался, когда у него вскакивал веред*. Тургенев) и в просторечии глагол *вередить* (*развередить*) ‘раздражать болезненное место прикосновением, беречь’ (*Будет санитарная бричка потряхивать его на бездорожных ухабах, вередить рану*. Шолохов) [Там же. С. 150]. Если исходить из обычного, наиболее распространенного взгляда на направление развития значения от конкретного к более широкому, абстрактному, то можно было бы предположить на материале литературного русского языка, что более ранним для лексемы *вред* было обо-

значение заболевания с повреждением кожи (‘нарыв, чирей, язва’), обобщенное до ‘порча, ущерб’.

В диалектах русского языка также обнаруживается формальное и семантическое варьирование полногласных и неполногласных форм. Широко распространено *вреда* ‘вред, порча, ущерб, убыток’ (арх., волог., новг., пск., костр., смол., твер., перм., калуж., ряз. и др.), *вред* встречается в сочетаниях *для вреда* ‘для порчи, чтобы навести болезнь на кого-л.’ (костр.), *на вред* ‘назло’ (амур.). Совпадающий по форме с литературным глагол *вредить* имеет отличия в семантике: ‘причинять увечье, ранить; беречь рана’ (*В лес пошел да и руку вредил*; арх., пск., яросл.), ‘оскорблять, бесчестить’ (*честь вредить*; перм.), ‘болеть, причинять боль’ (*Порыв вредит*; влад.), ‘быть вредным для кого-, чего-л.’ (*Для человека она вредит резина*; том.); кроме того, отмечены в диалектах глаголы *вредовать* ‘вредить постоянно и умышленно; вредничать’ (Даль), *вреждать* ‘вредить’ (*Письмами вреждает*; смол.). Прилагательные и формально, и по значению отличаются от литературного варианта: *вредимый* ‘вредный, неприятный’ (*Вредимы, злы змеи*; смол., том.), *вредный* ‘склонный к заболеваниям, болезненный, нездоровый (о частях тела и органах человека: *У меня тело очень вредное*; влад., волог.)’, *вредливый* ‘мнительный, боящийся заболеть’ (влад.) [13. С. 190]. То есть в диалектах прилагательные актуализируют конкретный аспект «вредного», именуя этим болезнь, нездоровье.

Среди полногласных форм больше распространена лексема *веред* ‘нарыв, гнойник, фурункул’ (пск., новг., волог., яросл., твер., ряз., тул., моск., калуж., орл., ворон.), ‘большой чирей и вообще рана’, ‘струпи’, ‘болезнь, вызванная поднятием большой тяжести’ (пск., твер.). Диалектам известен грамматический вариант этой лексемы – *веред* 1 ‘нарыв, гнойник’ (ворон.), *веред* 2 ‘человек, вносящий смятение, беспорядок’ (влад.), а также производные прилагательные *вередовый* (амур.), *вередоватый* (Даль, б/м) ‘покрытый нарывами, болячками, вередом’, *вередный* ‘приносящий вред, зловредный’ (арх., волог., пск., твер., самар.), *вередный* ‘тяжелый, непосильный’, *вередливый* ‘болезненно воспринимающий физические раздражения’, ‘излишне обидчивый’ (Даль, б/м). Если имена существительные и прилагательные в основном

представляют конкретный вариант вреда – болезнь, заболевания кожи воспалительного характера ('нарыв, гнойник'), то глаголы имеют более широкую семантику, обозначая наиболее распространенные действия, явления, наносящие урон, ущерб здоровью человека: *вередеть* 'повредить, поранить' (арх.), *вередить*, *верезжать* 'причинять вред' (смол., новг., калуж.), 'ушибать (руку, ногу)' (новг., волог.), 'портить что-л.' (Даль, б/м), *вередиться* 'ушибаться, наколоться, порезаться' (арх., пск., новг., перм., смол., калуж.), *вередиться*, *верезжаться* 'заболеть от ушибов (вередов)' (волог.), 'надрываться, делая чрезмерные усилия' (арх., пск., волог., твер., самар.): *Не вередится!* 'ничего плохого не случится; не надорвется', *вередовать* 'привередничать, капризничать' (*Ты што вередуешь? Ешь кашу!*; курск.), *вередоваться* 'волноваться, тревожиться' (смол.), *верезжёный*, *верезжёная лошадь* 'испорченная, больная от возки тяжестей; опоенная' [14. С. 127–129].

С исторической точки зрения слова с неполногласием являются ранними заимствованиями из старославянского языка [2. С. 170]. В старославянском языке видим у однокорневых лексем знакомый по русскому языку круг значений: ст.-слав. *врѣдѣти* (*врѣждати*) 'повредить, причинить вред', *врѣдѣнь* 'вредный', *врѣдѣнь бытии* 'потерпеть ущерб', *врѣдѣ* 'рана, ранение; нарыв, чирей'; 'болезнь'; 'ущерб, убыток' (*врѣдѣ*, *пакость творити*). Семантику лексемы *врѣдѣ* уточняет целый ряд синонимов: *рана*, *строупѣ*, *творѣ*; *проказа*, *прокажение*; *болѣзнь*, *недѣжѣ*, *паса*; *врѣждение*, *пакость* [3. С. 124–125]. Семантическая структура старославянского *врѣдѣ* интересна тем, что все значения, кроме 'нарыв, чирей', имеют соответствия в семантике греческих аналогов в текстах, послуживших источниками переводов. В этом несовпадении можно увидеть отличия в понимании вреда у славян.

В текстах древнерусского периода семантическая структура рассматриваемого словообразовательного гнезда соотносится с ситуацией в старославянском (при наличии полногласных и неполногласных форм): *вредѣ* 'нарыв, гнойник' (XII в.), 'болезнь (чаще с кожными симптомами, с изъязвлением, струпиями)' (1386 г.), 'ущерб, убыток, вред' (1076 г.), *вередѣ* 'ущерб, убыток, вред' (1076 г.), 'болезнь (чаще с кожными симптомами, с изъязвлениями)', *вредный* 'больной, искалеченный, поврежденный', 'причиняющий вред' [4. С. 103–104].

Вопрос, возникший при анализе семантической структуры слова *врѣдѣ* в старославянском, не праздный, он связан с проблемой реконструкции мотивационного признака, модели номинации для праслав. **verdъ* и, соответственно, его генетических источников.

Большинство известных этимологов, авторов этимологических словарей считают старшим значение 'нарыв, чирей, язва' для праслав. **verdъ*. Расхождения наблюдаются во мнении относительно генетических связей: одни связывают слав. **verdъ* с и.-е. **uer-dh-* 'расти', ср. лтш. *ar-virde* 'нарыв', др.-инд. *vardhati* 'растет' [5. С. 295; 6. С. 184], другие с и.-е. **uer-d-* и **uer-s-* 'приподнятость, возвышенность на земле, на

коже': лат. *varus*, i 'прыщи (на лице)', др.-в.-нем. *warze*, нем. *Warze*, др.-исл. *warta* 'бородавка' (**uordā*) и нем. *Werre* 'ячмень на глазу', лат. *vergusa* 'бородавка', 'бугорок', 'возвышенность вообще' [2. С. 170; 5. С. 295; 7. С. 1151]. П. Скок в этимологическом словаре сербохорватского языка ссылается и на производные **uer-dh-*, и **uer-d-*, отсылая к семантике корня **uer-* 'резать' как исходной [8. С. 625–626]. В. Махек, автор этимологического словаря чешского и словацкого языков, выделяет *vřed* 1, с которым соотносит рус. *вред/веред* 'нарыв, чирей', и *vřed* 2 'болезнь' [9. С. 576]. Ю. Покорный в своем этимологическом словаре индоевропейского языка относит производные слав. **verdъ* в два разных этимологических гнезда: 1) слав. **verdъ* 'вред, ущерб, повреждение, Schaden', 'нарыв, язва, Geschwür' определено как производное и.-е. **uer-d-* 'приподнятое место (на местности или на коже)', а слав. **verdъ* 'рана' как производное и.-е. **uer-d-* 'разрывать, царапать' [7. С. 1151, 1163].

Генетические связи и исходное (раннее) значение слав. **verdъ* привлекли внимание И.П. Петлевой (1974), которая критически оценила все вышеперечисленные гипотезы, разделение этимологического гнезда слав. **verdъ*. Сопоставив факты славянских языков, она указала, что, акцентируя внимание на значениях 'веред, чирей, болячка, нарыв', которые отмечены в большинстве языков, исследователи упускают из виду другой круг значений: 'рана, ушиб, телесное повреждение' (ст.-слав., др.-рус., рус. диал., с.-хорв. устар., словен.), 'грыжа' (словен.), 'испорченная кровь' (ст.-слав.), 'простуда' (макед., болг. диал.), 'болезнь' (ст.-слав., др.-рус.), 'зло, беда, вред, ущерб, порча' и нек. др. [10. С. 93–95]. Решение вопроса об исходном значении, определяющем весь спектр значений семантического поля слав. **verdъ*, по мнению И.П. Петлевой, можно найти, приняв идею, высказанную еще Я. Гриммом и поддержанную Ф. Миклошичем и И.И. Срезневским, о связи слав. **verdъ* с др.-инд. *vardh-* 'отрезать', др.-в.-нем. *wartan* 'повреждать, ранить, beschädigen' [10. С. 96; 11. С. 383; 12. С. 317–318]. В этом случае «для слав. **verdъ* первичным следует считать значение 'повреждать (ранить), вредить; повреждение, вред'...» [10. С. 96–97].

Эта гипотеза не получила в дальнейшем новых сторонников, вероятно, вследствие того, что приведенные как соответствия древнегерманские лексемы в современных германских языках прямого (с тем же значением) продолжения не имеют и их генетические связи к рассмотрению не привлекались. Тем не менее анализ отношений в семантическом поле слав. **verdъ* позволяет поддержать предположение И.П. Петлевой о первичности в данном случае деструктивной семантики и отсутствии необходимости выделять *vřed* 1 и *vřed* 2 (как у Покорного и Махка).

Помочь пролить свет на проблемные мотивационно-генетические связи слав. **verdъ* может анализ в этом же аспекте его ближайших синонимов, тех лексем, через которые объясняется в текстах, лексикографических источниках семантика вреда: *рана*, *нарыв*, *язва*, *пакость* (ср.: ст.-слав. *врѣдѣ творити*, *пакость творити*).

Русская лексема *рана* и ее дериваты (*раненый*, *ранить*, *ранение*) как продолжение праславянского **gana* имеет близкий круг значений во всех современных славянских языках (в чеш. *rána* ‘рана’ и еще ‘удар’), шире круг значений в древнерусском: *рана* ‘удар (тж. перен.)’, мн. ‘побои, истязания’, ‘повреждение тканей тела, причиненное ударом, колющим или режущим орудием, оружием; рана’, ‘болезнь’ [15. С. 129–130; 16. С. 98–99]. Этимология этого слова спорная. Наиболее признанным является сопоставление с др.-инд. *uṇā-* ‘рана; щель, трещина’, *uṇauati* ‘ранит’, алб. *vatē* ‘рана’, для которых реконструируется основа **uṇō-* как производное **ueg-*, **vte* ‘разрывать, царапать’ [7. С. 1163; 16. С. 98–99; 17. С. 441–442]. Полагают, что изменение начального *uṇ>g* могло произойти если не в дославянский период, то на славянской почве под влиянием таких слов, как **raziti*, **gati* и т.п. [16. С. 98–99]. То есть для слав. **verdъ* и **gana* предполагается один и тот же источник индоевропейского уровня.

Синоним к *вред* слово *нарыв* в древнерусских текстах не отмечено. В. Даль говорит о нем как о хорошо известном слове, имеющем производные, и помещает его в гнезде глагола *нарывать*: *нарывъ*, воспалительная опухоль, перешедшая в нагноение (*нарывная боль*, *нарывный пластырь*, *нарывчатая чахотка*) [18. С. 1208]. Соответствия рус. *нарыв* есть в ряде славянских языков: с.-хорв. *náriv* ‘сильный наплыв, прилив’ и мед. нар. ‘чирей, нарыв, нагноение’, польск. диал. *naṛuw* ‘гнойник; чирей, язва, волдырь’, укр. *narív* ‘гнойник; абсцесс’, блр. *нарыу* ‘нарыв’. Для этой группы лексики реконструируется праслав. **naṛuvъ* как бессуффиксальное производное от **naṛyati* [19. С. 25]. То есть мотивировочный признак связан с обозначением деструктивного действия рвать, нарывать.

Лексема *язва* употребляется в русском языке в значении ‘гноящаяся или воспаленная ранка на поверхности кожи или слизистой оболочки’, в переносном значении ‘вред; зло’, имеет устаревшие значения ‘рана’ и ‘болезнь, мор’ (*моровая*, *чумная язва*) и в разговорной речи обозначает злобного, язвительного человека. Производный глагол *язвить* также употребляется в переносном значении ‘язвительно бранить, задевать кого-л. колкими, злыми замечаниями’, ‘говорить насмешливо, с издевкой’ и имеет устаревшее значение ‘ранить, причинять боль’. Существительное *язвина* совпадает с производящим *язва* в первом значении, но употребляется и в значении ‘выбоина, щербина’ [20. С. 780]. В говорах русского языка круг значений шире: *язва*, *язво* ‘рана’, ‘чума, мор’, *язба* ‘щель; выбоина’, *язвина* (в земле) ‘нора’, *язвик*, *язвец*, *язво* ‘барсук’ [18. С. 536]. Древнерусские тексты зафиксировали слова *язва* в значении ‘рана, язва’, ‘беда; печаль’, *язвина* ‘нора, логовище’ (с XI в.) и (с XIII в.) ‘ущелье, овраг’, *язвити* ‘ранить’, *язвъ* ‘барсук’ [21. С. 1643–1644]. Тот же круг значений у однокорневых образований в других славянских языках. Полагают, что старшим значением было ‘дыра; трещина’ и изменению значения ‘дыра; нора’ в ‘рана, язва’ способствовало наличие в славянских языках близких по

форме производных словообразовательного гнезда **jaza* (*ęza*) [16. С. 467]. Слав. **jazva* сопоставляется с литов. *aiža* ‘щель, трещина; прореха’, лтш. *aiža* ‘ущелье, щель’ и др.-прус. *eyswo* ‘рана, язва’ [Там же].

Производные слав. **ęga/ęza* представляют три линии развития семантики: 1) ст.-слав. *ѧза*, др.-рус., рус.-цслав. *ѧза* ‘болезнь’, болг. *енза* ‘рана, язва’, диал. *енза* ‘болезнь’; 2) с.-хорв. *jeza* ‘ужас, страх’, диал. *jéza* ‘гнев, досада’, словен. *jéza* ‘гнев’; 3) ст.-чеш. *jězě* ‘ведьма’, чеш. диал. *jaza* ‘злая баба’, польск. *jędza*, диал. *idza* ‘ведьма’, рус. *яга*, *яга-баба*, *баба-яга*, *ягая* ‘род ведьмы, злой дух в образе безобразной старухи’ и т.д. [22. С. 68]. Праслав. **ęga/*ęza* рассматривается как родственное литов. *ėngti* ‘душить, давить, теснить, мучить’, лтш. *īgt* ‘исходить, чахнуть, досадовать’, англосакс. *inca* ‘боль’, др.-исл. *ekki* ‘печаль, сомнение’. Таким образом, слав. **ęga/ęza* – это персонифицированное удушье, кошмар [Там же]. Сопоставление структуры семантических полей и генетических связей лексем, представляющих это поле, не позволяет сказать что-то определенное относительно временных и культурно-исторических условий предполагаемой контаминации, наложения двух словообразовательно-этимологических гнезд (**jazva* в значении ‘рана, язва’ – славяно-древнепрусская изоглосса, производные от *ęza* в значении ‘рана, язва; болезнь’ отмечены только в старославянском, русско-церковнославянском, болгарском языках). Тем не менее полагаем, что есть основания считать мотивационную семантику рус. *язва* (слав. **jazva*) связанной с обозначением результата деструктивного действия.

Разговорное русское *пакостный* означает ‘мерзкий, отвратный, очень плохой, скверный, вызывающий отвращение’ и ‘делающий пакости’. Значение практически не изменилось по сравнению с тем, что отмечал В. Даль (*пакостный* ‘скверный, гадкий, мерзкий’, ‘нечистый, оскверняющий’, ‘зловредный, злонамеренный’) [23. С. 15]. В древнерусских текстах, начиная с XI в. *пакостный* – это ‘вредный, губительный’, ‘вредящий, препятствующий чему-л.’, ‘испытывающий вред, поврежденный’ и ‘связанный с тяжелой, неприятной необходимостью’ (при др.-рус. *пакостити* ‘причинять вред’, ‘мешать, препятствовать’, *пакоство* ‘причинение ущерба, вреда’, ‘чинение препятствий’) [15. С. 129–130], ср.: ст.-слав. *пакость* ‘вред, обида, несправедливость’, *пакостьникъ* ‘мучитель’ [3. С. 440], укр. *пакость* (*капость*), *пакостити*, болг. *пакост*, *пакостя* ‘пакошу’, с.-хорв. *пакостити* ‘делать что-л. назло, вредить, портить’, польск. *rakość* ‘злоба’ [2. С. 615–616]. Прилагательное продолжает семантику производящего существительного *пакость*, которое в других славянских языках или известно лишь в просторечном употреблении и говорах, а в общем употреблении от него сохранились только производные или оно просто утрачено [Там же]. Наиболее распространенное объяснение происхождения слав. **pakostъ* исходит из того, что *пакость* образовано от *пак-*: *опак-* с суффиксом *-ость*. Однокорневыми образованиями видятся ст.-слав., др.-рус. *паки* (*пакы*, *пакъ*) ‘обратно’, ‘назад’, ‘наоборот’, ‘напротив’, ‘опять, вновь’, *пакибытие* ‘новое рождение, ду-

ховное обновление (в религиозном понимании)’, *опако* ‘назад, задом наперед’. Функционально близким в оценочном отношении русскому *пакостный* является с.-хорв. *opāk* ‘грубый, резкий, жестокий, злой’ и ‘дурной, испорченный, нехороший’ и *пакостан* ‘пакостный; злобный, ехидный, злорадный’ [2. С. 615–616; 17. С. 188–189]. Как внешние для славянских лексем сближения определяются др.-инд. *ārākas* ‘в стороне, позади’, др.-в.-нем. *abuh* ‘обращенный в другую сторону, обратный, враждебный’, ср.-в.-нем. *ebich*, арм. *haka* ‘противо-’ [17. С. 142].

Таким образом, факты внутреннего и внешнего сравнения позволяют предложить семантическую модель ‘делать наоборот’ → ‘вредить, пакостить’, поэтому *пакость* *‘сделанное наоборот вредное’ (ср. др.-рус. *пакостник* ‘тот, кто действует против кого-л., чего-л., противник’). Эта модель актуализируется и внутренней формой прилагательных *противный* и *отвратительный* (еще в XVII в. *противити* значило только ‘быть отвратительным, отвращать от себя’, а *отвратный* – ‘повернутый в сторону’, ‘содержащий отступничество’). Но, с другой стороны, в свете обозначенной выше мотивационной модели для *вред*, *вредный* заслуживает внимания и другое предположение.

Вторая гипотеза, поддержанная в «Историко-этимологическом словаре» П.Я. Черных, сводится к тому, что «лучше производить о.-с. **pakostь* от о.-с. **kostь*, с приставкой *rá-* (ср. *пáгуба*) и старшим значением можно считать что-нибудь вроде ‘костный нарост’, откуда позже ‘болезнь’ (подагрическая?), отсюда далее – ‘вред, несчастье, зло» [2. С. 616]. Эта гипотеза основывается на таких фактах, как в.-луж. *pačość* ‘костный нарост’, чеш. *pakostnice* ‘подагра’ (значение ‘пакость’ выражено словом *ohavnost*), а значение ‘болезнь’ (в частности, о проказе) – одно из значений др.-рус. и ст.-слав. *пакость* (в ряду других, более общих значений – ‘зло, вред, ущерб’, ‘поругание’, ‘беспокойство, препятствие’, ‘тяжелое испытание, несчастье’, ‘нечистота, мерзость’) [15. С. 130]]. Схема семантического развития в данном случае выстраивается следующая: ‘костный нарост’ → ‘болезнь’ → ‘вред, зло’. Предполагаемое развитие семантики представляется нам маловероятным уже вследствие того, что речь идет о конкретном заболевании, которое не носит массовый характер, не настолько

пагубно для здоровья, чтобы стать основанием для таких понятий, как «болезнь», «вред, зло». Кроме того, маловероятно, чтобы семантика костного заболевания могла продуцировать семантику, связанную с межличностными отношениями, этической оценкой, ср. ст.-слав. *пакость* в значении ‘вред, обида, несправедливость’, др.-рус. *пакость* ‘зло, вред, ущерб’ и ‘поругание’, ‘нечистота, мерзость’, ‘тяжелое испытание, беда, несчастье’. Поэтому полагаем, что более убедительна первая гипотеза: *‘сделанное наоборот, вопреки установленному порядку, чему-то ожидаемому’ → ‘испорченное, вредное’.

Подводя итоги рассмотрения проблемных мотивационно-генетических связей слав. **verđь*, можно сделать следующие выводы.

1. Мотивационно-генетические связи рус. *вред* / *веред* своими корнями уходят на уровень праславянского языка, когда формировалось соответствующее понятие.

2. Становление славянского представления о вреде происходило на основе понятия «рана, телесное повреждение» (ср. имеющееся предположение о генетической близости лексем *вред* и *рана* на индоевропейском уровне), понятия, возникающего как результат осмысления последствий для субъекта деструктивных действий (напр., ‘разрывать, царапать’) или болезни, имеющей внешнее проявление преимущественно на коже (‘нарыв, чирей, язва’).

3. Мотивировочные признаки лексем-синонимов (*рана, нарыв, язва*) поддерживают идею о вреде как телесном повреждении в результате деструктивных действий по отношению к субъекту.

4. Направление развития в семантическом поле слав. **verđь* можно представить следующим образом: ‘разрывать, царапать’ → ‘рана; телесное повреждение’ → ‘язва, нарыв; чирей, болячка, веред’ → ‘болезнь’ и ‘вред, ущерб, порча’ (→ ‘зло, беда’).

5. Нет оснований разрывать словообразовательно-этимологическое гнездо слав. **verđь*, представляя его как исходно относящееся к двум разным этимологическим гнездам (Покорный, Махек). Наряду с основным направлением осмысления вреда как телесного повреждения, видимо, развивалось представление о вреде как противодействии интересам субъекта (*пакость* как ‘сделанное наоборот, вопреки воле и интересам субъекта’ → ‘испорченное, вредное’).

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь русского языка : в 4 т. / ред. А.П. Евгеньева. 2-е изд. М. : Рус. яз., 1981. Т. 1.
2. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М. : Рус. яз., 1994. Т. 1.
3. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. 2-е изд., стереотип. М. : Рус. яз., 1999.
4. Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С.Г. Бархударов и др. М. : Наука, 1976. Вып. 3.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1964. Т. 1.
6. Българскиетимологичен речник / съст. Вл. Георгиев, Ив. Гълъбев и др. София : Изд-во на Българската Академия на науките, 1971–1986. Т. 3.
7. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern : Francke Verlag, 1959.
8. Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb : Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti, 1973. Kn. 3.
9. Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha : Československé Akademie věd, 1957.
10. Петлева И.П. Этимологические заметки по славянской лексике. I // Этимология 1972. М. : Наука, 1974. С. 81–99.
11. Miklosich F. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien : W. Braumüller, 1886.
12. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка : в 3 т. СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1893. Т. 1.
13. Словарь русских народных говоров. Вып. 5 (военство-вырастковый). Л. : Наука, 1970.
14. Словарь русских народных говоров. Вып. 4 (В-военки). Л. : Наука, 1969.
15. Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. Д.Н. Шмелев. М. : Наука, 1988. Вып. 14.

16. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М. : Рус. яз., 1994. Т. 2.
17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1971. Т. 3.
18. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 3-е изд., испр. и доп. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М. : Прогресс; Универс, 1994. Т. 4 (репринт 1909).
19. Этимологический словарь славянских языков. Пра斯拉вянский лексический фонд. Вып. 23 : *narodъnjъ – *navijakъ. М. : Наука, 1996. Вып. 1–39.
20. Словарь русского языка / ред. А.П. Евгеньева. 2-е изд. М. : Рус. яз., 1981. Т. 4.
21. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка : в 3 т. СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1903. Т. 3.
22. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. М. : Наука, 1979. Вып. 6.
23. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 3-е изд., испр. и доп. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М. : Прогресс; Универс, 1994. Т. 3 (репринт 1907).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Языки и диалекты

алб. – албанский; англосакс. – англосаксонский; арм. – армянский; арх. – архангельский; блр. – белорусский; болг. – болгарский; волог. – вологодский; влад. – владимирский; ворон. – воронежский; диал. – диалектное; др.-в.-нем. – древневерхненемецкий; др.-исл. – древнеисландский; др.-прус. – древнепрусский; др.-рус. – древнерусский; и.-е. – индоевропейский; калуж. – калужский; костр. – костромской; литов. – литовский; лтш. – латышский; макед. – македонский; моск. – московский; нем. – немецкий; олон. – олонецкий; орл. – орловский; перм. – пермский; польск. – польский; праслав. – праславянский; пск. – псковский; рус. – русский; рус.-цслав. – русско-церковнославянский; самар. – самарский; словц. – словацкий; словен. – словенский; смол. – смоленский; ст.-чеш. – старочешский; с.-хорв. – сербохорватский; твер. – тверской; тул. – тульский; укр. – украинский; чеш. – чешский; яросл. – ярославский.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 27 октября 2016 г.

WHAT IS HARM? (MOTIVATIONAL AND GENETIC LINKS OF RUS. *VRED*)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 412, 14–19.

DOI: 10.17223/15617793/412/2

Lyubov P. Dronova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lpdronova@mail.ru

Liu Yanchun, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: liuyanchun@mail.ru

Keywords: Slavic language; lexicology; history; motivational and genetic links.

The study of motivational and genetic characteristics of lexical units is one of the current issues in today's linguistics. This is due to the fact that the motivational links that exist in language characterize the structure of the world concept of the ethnos – the way a person that belongs to a certain time and culture categorizes the world using language. The article focuses on the problematic motivational and genetic characterization of the core of the lexical-semantic field *vred* [harm], which represents a negative utilitarian evaluation. The analysis of the systemic relations of this lexical-semantic field in standard Russian and its dialects, Old Russian and other Slavic languages has shown the following. Firstly, the motivational and genetic links of Rus. *vred/vered* are rooted in the Proto-Slavic language, when the corresponding notion was formed. Secondly, the Slavic notion *vred* was formed on the basis of the notion *rana* [wound, lesion] (cf. the idea that *vred* and *rana* are genetically related at the Indo-European level). The notion *rana* appears as a result of conceptualizing the consequences of a destructive action performed on the subject (e.g. *razryvat* [tear], *tsarapat* [scratch]) or a disease that shows on skin (*naryv* [abscess], *chirei* [boil], *yazva* [sore]). Thirdly, the motivational features of the synonymous lexemes (*rana*, *naryv*, *yazva*) support the idea of *vred* as bodily damage resulting from destructive actions towards the subject. Fourthly, the direction in which the semantic field of Slav. **verdb* developed may be represented in the following way: “tear, scratch” → “wound, lesion” → “sore, abscess; boil, blain” → “disease” and “harm, damage, corruption” (→ “evil, misfortune”). Fifthly, there has been found no reason to divide the derivational and etymological nest of Slav. **verdb* by representing it as originally related to two different etymological nests (Pokorny, Machek). Finally, along with the main direction of conceptualizing harm as a bodily injury, a second conceptualization was presumably developed – that of a counter-action to the subject's interest (*pakost* [nasty trick] as “something done in contra, contrary to the will and interests of the subject” → “damaged, harmful”).

REFERENCES

1. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.
2. Chernykh, P.Ya. (1994) *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t.* [Historical and etymological dictionary of modern Russian language: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.
3. Tseytlin, R.M. Veчерка, R. & Blagovaya, E. (eds) (1999) *Staroslavjanskij slovar' (po rukopisyam X–XI vekov)* [Old Slavonic Dictionary (by manuscripts of the 10th–11th centuries)]. 2nd ed. Moscow: Russkiy yazyk.
4. Barkhudarov, S.G. et al. (eds) (1976) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of Russian of the 11th–17th centuries]. Vol. 3. Moscow: Nauka.
5. Fasmer, M. (1964) *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. Translated from German by O.N. Trubachev. Vol. 1. Moscow: Progress.
6. Georgiev, V.I. et al. (1971–1986) *B'lgarski etimologichen rechnik* [Bulgarian etymological dictionary]. Vol. 3. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences.
7. Pokorny, J. (1959) *Indogermanisch esetymologisches Wörterbuch* [Indo-Germanic etymological dictionary]. Bern: Francke Verlag.
8. Skok, P. (1973) *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* [Etymological dictionary of Croatian and Serbian]. Vol. 3. Zagreb: Yugoslav Academy of Sciences.
9. Machek, V. (1957) *Etimologický slovník jazyka česko-slovenského* [Etymological dictionary of the Czechoslovak language]. Prague: Czechoslovak Academy of Sciences.
10. Petleva, I.P. (1974) *Etimologicheskie zametki po slavyanskoy leksike. I* [Etymological Notes on Slavic vocabulary. I]. In: Trubachev, O.N. (ed.) *Etimologiya 1972* [Etymology 1972]. Moscow: Nauka.

11. Miklosich, F. (1886) *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen* [Etymological dictionary of the Slavic languages]. Wien: W. Braumüller.
12. Sreznevskiy, I.I. (1893) *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka: v 3 t.* [Materials for the dictionary of Old Russian language: in 3 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk.
13. Sorokoletov, F.P. & Filin, F.P. (eds) (1970) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 5. Leningrad: Nauka.
14. Sorokoletov, F.P. & Filin, F.P. (eds) (1969) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 4. Leningrad: Nauka.
15. Shmelev, D.N. (ed.) (1988) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of Russian of the 11th–17th centuries]. Vol. 14. Moscow: Nauka.
16. Chernykh, P.Ya. (1994) *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t.* [Historical and etymological dictionary of modern Russian language: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk.
17. Fasmer, M. (1971) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. Translated from German by O.N. Trubachev. Vol. 3. Moscow: Progress.
18. Dahl, V.I. (1994) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Great Living Russian Language: in 4 vols]. 3rd ed. Vol. 4. Moscow: Progress; Univers.
19. Trubachev, O.N. (ed.) (1996) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The etymological dictionary of the Slavic languages. Proto-Slavic lexical fund]. Vol. 23. Moscow: Nauka.
20. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. 2nd ed. Vol. 4. Moscow: Russkiy yazyk.
21. Sreznevskiy, I.I. (1903) *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka: v 3 t.* [Materials for the dictionary of Old Russian language: in 3 vols]. Vol. 3. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk.
22. Trubachev, O.N. (ed.) (1979) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The etymological dictionary of the Slavic languages. Proto-Slavic lexical fund]. Vol. 6. Moscow: Nauka.
23. Dahl, V.I. (1994) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Great Living Russian Language: in 4 vols]. 3rd ed. Vol. 3. Moscow: Progress; Univers.

Received: 27 October 2016